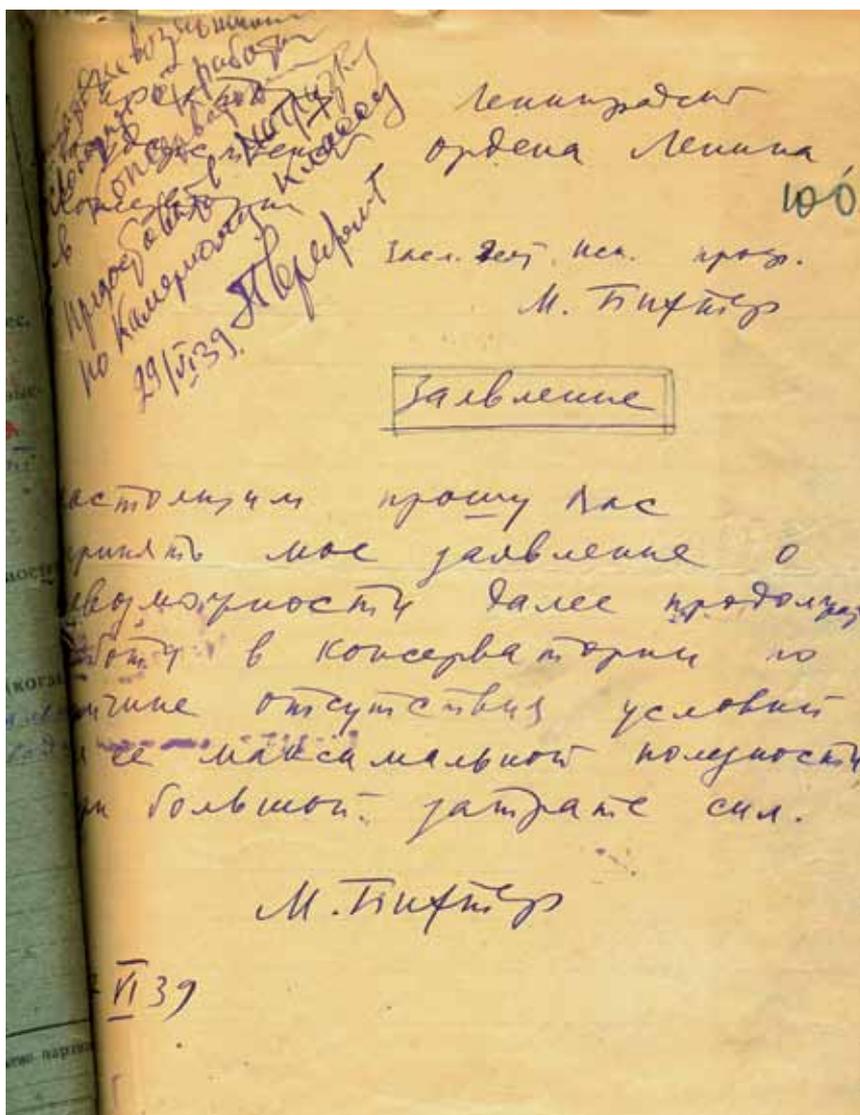

Документы

Илл. 1. Заявление М. А. Бихтера от 27 июня 1939 года с резолюцией директора Ленинградской консерватории П. А. Серебрякова

Из личного дела М. А. Бихтера

(И. О. Дунаевский и Ленинградская консерватория)

В данной публикации представлен ряд документов из личного дела пианиста-ансамблиста, дирижера и педагога-вокалиста М. А. Бихтера из архива СПбГК. Материалы связаны с конфликтной ситуацией, возникшей на вокальном факультете Ленинградской консерватории в 1938 году. Педагогическая деятельность Бихтера подверглась острой критике со стороны его консерваторских коллег. В защиту Бихтера выступил И. О. Дунаевский.

Ключевые слова: Бихтер, Дунаевский, вокальный факультет Ленинградской консерватории, архив СПбГК.

Михаил Алексеевич Бихтер (1881–1947) — пианист-ансамблист, дирижер, педагог. Он окончил фортепианное и композиторское отделения Санкт-Петербургской консерватории с золотой медалью (1910), занимался в классах А. Н. Есиповой, А. К. Лядова, А. К. Глазунова, М. О. Штейнберга, Н. Н. Черепнина.

Самый плодотворный период дирижерской деятельности Бихтера (1912–1916 годы) был связан с работой в петербургском, затем петроградском Театре музыкальной драмы. К лучшим его спектаклям принадлежал «Евгений Онегин», интерпретацию которого высоко оценили В. И. Сафонов, М. И. Чайковский, С. А. Самосуд.

Бихтер получил признание как один из лучших пианистов-ансамблистов своего времени. А. В. Оссовский сравнивал игру Бихтера с игрой самого А. Г. Рубинштейна. С восхищением отзывались о мастерстве пианиста Й. Иоахим, Ц. А. Кюи, Л. Ауэр, Ф. И. Шаляпин, Ю. Д. Энгель, В. Г. Каратыгин, Э. Петри, С. Ю. Левик, М. В. Юдина. Исполнительский стиль Бихтера, боровшегося со штампами, отличался ярким своеобразием.

Среди партнеров Бихтера были такие крупнейшие вокалисты и инструменталисты, как С. В. Акимова, И. А. Алчевский, А. В. Вержбилович, И. В. Ершов, Н. И. Забела-Врубель, Э. Изай, Й. Иоахим, Ф. Крейслер, С. Ю. Левик, Л. Я. Липковская. За исполнительскими советами к музыканту обращались Ф. И. Шаляпин, М. И. Бриан, К. Н. Дорлиак, П. Я. Курзнер, З. П. Лодий, Е. Ф. Петренко. Вместе с тем следует отметить, что творческие отношения Бихтера со многими крупнейшими певцами —

например, с Шаляпиным, Ершовым, Алчевским — были непросты, между ними нередко возникали стычки из-за различной трактовки того или иного произведения.

Особое место в творческой биографии Бихтера заняло содружество с певицей В. И. Духовской в 1923–1934 годах, явившее собой новую форму ансамбля и названное Е. М. Шендеровичем «вокально-фортепианным дуэтом»¹. Бихтер, являвшийся лидером ансамбля, его художественным руководителем, разрушал прежние представления о «подсобной» роли аккомпаниатора. По словам Л. Н. Раабена, «голос и фортепиано Бихтер рассматривал в неразрывном единстве. Он „вокализировал“ рояль и „инструментовал“ голос, органически сливая их, достигая полноценного художественного синтеза обоих компонентов исполнения»². Относясь с огромным вниманием к слову, дикции, «Бихтер применял метод показа голосом, как бы увлекая певца за собой, вызывая в нем нужные эмоции»³.

Накопленный богатейший артистический опыт Бихтер использовал в работе в Ленинградской консерватории, где он преподавал в 1933–1935 годах камерное и в 1935–1939 годах сольное пение. Однако, в отличие от исполнительства, педагогическая деятельность Бихтера, выступавшего против господствовавших методов обучения пению и работавшего по собственной методике, подвергалась острой критике со стороны его консерваторских коллег, преподавателей-вокалистов.

Именно такой «эпизод из жизни артиста» иллюстрирует данный подбор документов из личного дела Бихтера⁴, хранящегося в архиве Санкт-Петербургской консерватории. Не имея поддержки в стенах консерватории, Бихтер прибегнул к заступничеству одного из авторитетных советских музыкантов тех лет — Исаака Осиповича Дунаевского, просил его присутствовать на зачете в его классе. Свои впечатления от услышанного Дунаевский записал на отдельных листах блокнота (см. ниже, Л. 101–108) и в письме к руководству консерватории потребовал разобраться в сложившейся ситуации (Л. 110). Материалы, связанные с Дунаевским, дополнены другими документами, раскрывающими суть событий.

---

¹ Шендерович Е. М. Памяти выдающихся аккомпаниаторов // Музыка и жизнь. Вып. 3. Л.; М., 1975. С. 119.

² Цит. по: Там же. С. 120.

³ Там же. С. 121.

⁴ Личные дела профессорско-преподавательского состава, рабочих, служащих и студентов [Ленинградской консерватории]. 1935–1953. Д. 33. Л. 91–123.

Л. 116–117.
Директору Консерватории
[Б. И. Загурскому⁵]
От студентов сольного
пения класса пр[офессора] Бихтера

Заявление

После нескольких лет занятий с профессорами консерватории, мы, пришедшие в консерваторию с голосами, — оказались вокальными калеками, — вынужденными перейти учиться и лечиться в класс пр[офессора] Бихтера.

В обстановке критического отношения профессоров к занятиям пр[офессора] Бихтера и пренебрежительного и безнадежного отношения профессуры к нам, студентам, — мы напряженно работали в классе пр[офессора] Бихтера, где только теперь начинаем обнаруживать свое вокальное воскрешение, подтвержденное на зачетах профессурой. Вместо заботы и помощи нам, таким студентам, — нуждающимся в особом внимании со стороны педагогов и руководителей консерватории, — мы чувствуем иронию, беспощадную критику и предвзятые мнения со стороны педагогов и окружающей среды. Мало того, появившаяся заметка в стенгазете дискредитирует авторитет пр[офессора] Бихтера и характеризует его работу как вредную и чуждую советскому исполнительству, — а нас, студентов, как загубленных кроликов экспериментатором Бихтером, что совершенно противоположно действительности.

Мы, студенты, категорически протестуем против такой грубости и лживой дискредитации пр[офессора] Бихтера, просим Вас срочно расследовать создавшееся положение и вызвать всех студентов класса к себе для объяснений.

14/IV 38 г.

К сему: [далее следуют подписи: Фролова, М. Смоляк, Небельской, М. Широкова, Хилкова, Берковской, Аветисова, Шалкиной⁶ и др. — всего 12 подписей].

---

⁵ Загурский Борис Иванович (1901–1968) — музыковед и музыкально-общественный деятель. В 1931–1936 гг. — помощник директора Ленинградской консерватории, в 1936–1938 гг. — директор.

⁶ Фролов Михаил Леонтьевич (1910–?) — певец (тенор). Поступил в Ленинградскую консерваторию в 1934 в класс А. Б. Меровича, с 1936 учился в классе М. А. Бихтера, окончил в 1939.

Смоляк Марина Фадеевна (1910–?) — певица. В 1931–1933 гг. училась на рабфаке при Ленинградской консерватории. В 1933–1941 гг. училась на вокальном факультете консерватории у Н. А. Большакова, затем у М. А. Бихтера.

[Резолюция Б. И. Загурского:]

Взять у Полферова⁷ протокол совещания в дирекции по данному вопросу. Материалы приложить к делу вокального ф[акультета]. [Подпись Б. И. Загурского.] 17/IV-38 г.

*Материалы И. О. Дунаевского*⁸

Л. 101.

[Поверх текста написано:] В дело Бихтер.

1. Студент Таякин⁹. (IV к)

Мне кажется, что у него не тенор, а баритон. Оттого ему труден Шуберт-овский приют¹⁰. Он кричит, надрывается и производит отрицательное впечатление.

То же и в «Море» Бородина¹¹.

Небельская Ольга Ивановна (1907-?) — певица (меццо-сопрано). В 1938 г. окончила консерваторию, где училась на вокальном факультете под руководством М. А. Бихтера. В 1938–1941 гг. обучалась в аспирантуре на кафедре камерного пения. Всю Великую Отечественную войну находилась в Ленинграде, в 1942–1944 гг. работала артисткой хора Радиокомитета. С 1944 г. — артистка Ленинградской государственной филармонии. В 1947–1954 гг. — концертмейстер консерватории. С 1951 работала в Ленинградском государственном театральном институте.

Хилков Сергей Николаевич (1907-?) — певец (баритон). В 1934–1936 гг. учился в консерватории сначала в классе А. Б. Меровича, затем в 1936–1940 гг. в классе М. А. Бихтера.

Берковская Галя Гавриловна (1903-?) — певица (лирическое сопрано). Поступила в консерваторию в 1932 в класс пения И. С. Томарса, окончила в 1938 по классу М. А. Бихтера.

Шалкина Нина Алексеевна (1905-?) — певица (сопрано). В 1933–1940 гг. училась в консерватории, сначала в классе Н. А. Большакова, затем у М. А. Бихтера. Об Аветисове, Дмитриевой и М. Широкове сведений обнаружить не удалось.

⁷ Полферов Иван Яковлевич (1898-?) — в 1934–1950 гг. музыкальный руководитель оперного класса, камерного ансамбля и концертмейстерского класса Ленинградской консерватории, с 1938 г. декан вокального факультета, в 1939–1945 гг. — доцент, в 1945–1950 гг. — профессор.

⁸ Все материалы И. О. Дунаевского, связанные с посещением зачета класса М. А. Бихтера, не датированы (см.: Л. 102–108). Вероятно, письмо от 1 декабря 1938 г. (см.: Л. 110) Дунаевский написал уже после посещения зачета. Думается, случайно Дунаевский, выступающий в указанном письме «адвокатом» Бихтера, тем не менее, очень осторожно пишет о его методах обучения: «Никоим образом не желая в настоящий момент высказать свое мнение по поводу системы преподавания Бихтера и допуская возможность существования ее отдельных недостатков...» (Л. 110).

⁹ Таякин Павел Алексеевич. Учился в Ленинградской консерватории с 1932 г.

¹⁰ Песня «Приют» из сборника песен Ф. Шуберта «Лебединая песня».

¹¹ Песня А. П. Бородина на собственные слова.

Это не тенор! Я убежден, что работа над ним как баритоном приведет Таякина в полный порядок, так как голосовые данные у него несомненно хорошие.

[И. О. Дунаевский.]

* * *

Л. 102.

2. Студентка Смоляк. (III к).

а) Pieta¹² оставила хорошее впечатление. Смоляк — музыкальна и старательна.

Но опять-таки далеко не ясно, какой у нее голос. Мне кажется, что у нее сопрано. Низкий регистр не звучит, на горле. Голос легкий и стремится вверх.

В целом — очень приятное впечатление.

[И. О. Дунаевский.]

* * *

Л. 103.

3. Студ. Дмитриева. (V к).

Состояние голоса и весь музык[ально]-вокальный облик Дмитриевой не соответствует ни в коем случае V курсу высш[его] муз[ыкального] уч[ебного] заведения.

По характеристике педагога¹³, у Дмитриевой подвижный и легкий голос. Так-то так, но качество этого голоса оставляет желать много лучшего. К тому же он тускловат и невыразителен в низком и среднем регистрах.

[И. О. Дунаевский.]

* * *

Л. 104.

4. Ст. Хилков (IV к)

В «Зимнем пути» Танеева¹⁴ исполнение грешит фактическим говорком. Получается впечатление, что певец больше декламирует, чем поет.

В дальнейшем этого уже не было. Сам Хилков, несомненно, музыкально-способн[ый] человек и поддается обработке. Голос хороший, но опять-таки сдаётся мне, что Хилков — тенор, голос у него стремится вверх.

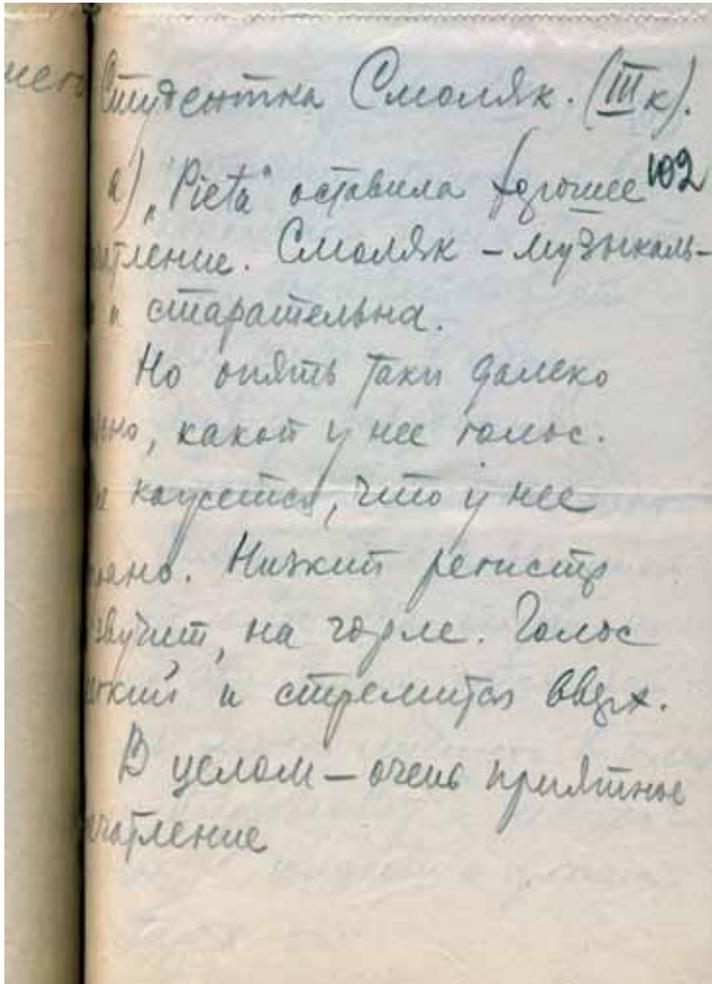
[И. О. Дунаевский.]

---

¹² Вероятно, ария А. Страделлы Pieta, Signore!.

¹³ Т. е. М. А. Бихтера.

¹⁴ Песня С. И. Танеева на стихи Я. П. Полонского (ор. 32 № 4).

Илл. 2. И. О. Дунаевский. Характеристика выступления студентки М. Ф. Смоляк (ноябрь (?) 1938 года)

* * *

Л. 105.

5. Широков (IV курс).

По характеристике педагога, у Широкова хороший голос.

Не нахожу этого.

[И. О. Дунаевский.]

* * *

Л. 106.

6. Шалкина (IV курс)

Голос крупный, но интонационно ~~нечистый~~ не совсем чистый и в некоторых случаях жестковатый. Конец арии из «Тоски»¹⁵ прозвучал крикливо.

Верхи не выявлены и не поставлены.

Что касается «Лунного вальса»¹⁶, то такие жанрово-характерн[ые] произведения можно принимать в качестве педагогич[еского] материала только в том случае, если певец или певица имеют определенно выраженное тяготение к этому типу исполнительства.

У Шалкиной, судя по всему ее материалу, это тяготение не оправдано, а следовательно оттого исполнение «Лунного вальса» прозвучало чужим ее исполнительской натуре и неискренним. Можно было восхищаться только аккомпанементом М. А. Бихтера, который, впрочем, среднюю часть играл слишком медленно.

[И. О. Дунаевский.]

* * *

Л. 107.

7. Фролов (IV к.)

В сущности, первый определенно хороший и определенно ясный голос — тенор. Исполнитель очень одаренный. В пении, т. е. в звукоизвлечении — есть неряшливости и грязноты.

[И. О. Дунаевский.]

* * *

Л. 108.

Общие замечания.

Необходимо предъявить к студентам консерватории значительно более высокие требования, чем это можно видеть по сегодняшнему зачету.

---

¹⁵ «Тоска» — опера Дж. Пуччини.

¹⁶ Песня И. О. Дунаевского из кинофильма «Цирк».

Общие замечания. 108
 1. Неоднократно приходится к ситуаци-
 онам консерватизма значитель-
 но выше высшего требования,
 чем это можно видеть по
 индивидуальной работе. Редко
 кто из студентов может быть
 сегодня по части назван
 ситуацией консерватизма.
 Это в сущности — уровень
 техникума, училища.
 Неоднократно проф. Бихтер
 даёт указания в вокальном
 отношении молодой мате-
 рии. Внезапные такие,

Илл. 3. И. О. Дунаевский. «Общие замечания» о зачете класса М. А. Бихтера (ноябрь (?) 1938 года)

Редко кто из студентов мог быть сегодня по чести назван студентом Консерватории. Это, в сущности, — уровень техникума, училища. Необходимо проф[ессору] Бихтеру дать лучший в вокальном отношении людской материал. Впечатление такое, что все усилия проф[ессора] Бихтера, как выдающегося музыканта-педагога, применяются впустую, ибо певец раньше всего должен быть певцом, т. е. выражать художеств[енное] произведение всеми красками вокала, т. е. быть во всеоружии своих данных.

А если данных нет, то что же можно будет выразить?

[Подпись И. О. Дунаевского.]

* * *

Л. 110.

Здесь, Театральная площадь, 2¹⁷.
ДИРЕКТОРУ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
КОНСЕРВАТОРИИ.

Копия: — Заведующ[ему] Культпросотделом Горкома ВКП(б),
тов[арищу] ХМАРА.

Имеющиеся у меня сведения сигнализируют о серьезных ненормальностях, существующих на вокальном факультете консерватории. Наличие этих ненормальностей подтверждается историей работы в Ленинградской консерватории профессора М. А. Бихтера.

Мне незачем доказывать, что Бихтер является выдающимся музыкантом Советского Союза, исключительно принципиальным и глубоким художником. Поэтому его работа в консерватории должна быть оценена как чрезвычайно интересный со всех точек зрения фактор.

Посмотрим, что получилось на самом деле? Три года профессор Бихтер руководит классом пения. Бихтер — не певец. И это обстоятельство, видимо, тяжело отражается на всей его педагогической деятельности.

В класс к Бихтеру пришли люди, от которых отказались другие педагоги, так как эти учащиеся были признаны профнепригодными. Чрезвычайно важно было не только подтвердить в учебе с этими студентами ошибочность этой скороспелой квалификации, но и чутким, человеческим отношением лечить у студентов ту психологическую травму, которую порождает сам термин — профнепригодность. И вот, несмотря на холодное, враждебное отношение педагогов, успехи этих «профнепригодных» не только были обнаружены в процессе занятий с Бихтером,

---

¹⁷ «Театральная площадь, 2» в оригинале стоит ошибочно. Действительный адрес — «Театральная площадь, 3».

но и развивались вплоть до такого — «потрясающего» факта, как тот, что в этом году одна из таких «негодных» окончила консерваторию с дипломом первой степени (студентка Небельская).

Профессор Бихтер просил принять ее в аспирантуру как восприимчивую системы преподавания Бихтера. Но вторая абитуриентка, тов[арищ] Смурова¹⁸, получившая диплом второй степени (ученица проф. — Бронской¹⁹), получила поддержку части педагогов, благодаря чему возникла борьба за вакансию. Заведующая аспирантурой заявила, что в аспирантуру решено принимать студентов только с выдающимися голосами. Были приняты три аспирантки: одна (Мясникова²⁰) с хорошими голосовыми данными, вторая (Перевозчикова²¹) с достаточными голосовыми данными и третья (Чеботарева²²) с голосовыми качествами не выше Небельской.

Бихтер просит на оставшуюся вакансию зачислить механически ПО ЗАКОНУ его воспитанницу, тов[арища] Небельскую.

Я присоединяюсь к этой просьбе и со своей стороны настаиваю на принятии тов[арища] Небельской в аспирантуру.

Весь этот инцидент с приемом в аспирантуру воспитанницы Бихтера становится ясным в свете всей обстановки, созданной вокруг работы Бихтера. Обстановка вкратце иллюстрируется позицией стенгазеты, помещающей тенденциозные материалы против Бихтера как художника и порочащие его с общественно-политической стороны. Опровержения в стен-газете помещены не были.

¹⁸ Смурова (Смурова-Мысловец) Мария Алексеевна (1907-?) — певица (лирическое сопрано). В 1938 окончила Ленинградскую консерваторию по классу Е. А. Бронской-Макаровой, в 1938–1941 гг. под ее руководством училась в аспирантуре по специальности, в классе камерного пения занималась у А. Б. Меровича.

¹⁹ Бронская (Бронская-Макарова) Евгения Адольфовна (1882–1953) — оперная и камерная певица (лирико-колоратурное сопрано). Преподавала в Ленинградской консерватории в 1923–1950 гг. сольное пение, в 1926–1950 гг. — профессор.

²⁰ Мясникова Лидия Владимировна (1911–2005) — певица. Окончила Ленинградскую консерваторию в 1938 г. по классу М. И. Бриан, в 1938–1941 гг. училась под ее руководством в аспирантуре. С 1944 г. работала солисткой Новосибирского государственного театра оперы и балета.

²¹ Речь, скорее всего, идет о певице (лирическое сопрано) Первозванской Надежде Ивановне (1911–2003). В 1932–1938 гг. училась в Ленинградской консерватории, в 1938–1941 гг. — в аспирантуре по классу Н. А. Большакова, занималась в классе камерного пения у Н. А. Крючкова. С 1944 г. работала солисткой Новосибирского государственного театра оперы и балета.

²² Чеботарева Надежда Евгеньевна (1909-?) — певица (меццо-сопрано). В 1938 г. окончила Ленинградскую консерваторию по классу С. В. Акимовой и под ее руководством в 1938–1940 гг. училась в аспирантуре по специальности, в классе камерного пения занималась у А. Б. Меровича.

Наблюдается враждебность и предвзятость в отношении работы Бихтера, который виноват в том, что осмелился преподавать пение, да еще успешно, не будучи певцом.

Никоим образом не желая в настоящий момент выражать свое мнение по поводу системы преподавания Бихтера и допуская возможность существования ее отдельных недостатков, я задаю вполне законный вопрос:

Если часть педагогов возражает против системы Бихтера, то почему в консерватории не был всесторонне обсужден этот очень важный вопрос?

Видимо, деловая критика подменяется закулисной склопнической возней со стороны некоторых противников Бихтера.

Я считаю, что такое высокое по своим задачам учреждение, как Ленинградская консерватория, обязано было создать такие условия для работы своих педагогов, которые обеспечивали бы широкий творческий размах и смелость в решениях основных вопросов общей музыкальной культуры и, в частности, чрезвычайно серьезной и важной для советской страны вокальной педагогики.

Я ограничиваюсь пока этим письмом, но вынужден заявить, что как общественный и музыкальный деятель, жду исчерпывающего ответа по существу заданных мною вопросов, прежде чем выступить в широкой советской печати по вопросам, связанным с моим письмом.

Депутат Верховного Совета РСФСР
Заслуж[енный] Деят[ель] Искусств — (И. ДУНАЕВСКИЙ).
[Подпись И. О. Дунаевского.]

1/ХП–38 г. Ленинград, ул. Дзержинского, 4, кв. 6.

* * *

Л. 109.

Проект резолюции

По вопросу взаимоотношений проф[ессора] Бихтера и вокального факультета, обсужденному в заседаниях 15 и 16 декабря 1938 г.

2-х дневное обсуждение в заседании вокального ф[акультета] от 15 и 16 декабря 1938 года вопросов взаимоотношения проф[ессора] Бихтера с факультетом, вызванное письмом члена Верховного Совета РСФСР з[аслуженного] д[еятеля] и[скусств] Дунаевского показало, что разногласия между факультетом и проф[ессором] Бихтером возникли не по причине преднамеренного отрицания системы специального пения проф[ессора] Бихтера, а вследствие неясности, непонятности и недостаточной убедительности результатов работы проф[ессора] Бихтера.

Попытки проникновения в метод проф[ессора] Бихтера затемняются ссылками проф[ессора] Бихтера на обилие в его классе мало пригодных студентов, в большинстве своем перешедших из других классов, хотя все студенты класса проф[ессора] Бихтера направлены в его класс с его собственного желания согласия за исключением одного студента Широкова, зачисленного в класс проф[ессора] Бихтера по предложению деканата и Дирекции.

В результате факультет считает необходимым просить проф[ессора] Бихтера сделать на факультете развернутый доклад о своем методе с иллюстрацией всех положений его системы на своих студентах, обучающихся в Консерватории, и частных учениках. Только на основе такого доклада может быть решен вопрос о целесообразности дальнейшего преподавания проф[ессора] Бихтера в специальном классе.

Срок для подготовки к докладу со дня принятия настоящего решения предложить установить самому проф[ессору] Бихтеру.

Проект резолюции составлен комиссией, избранной в заседании вокального факультета от 16 декабря 1938 г. (доцент Полферов, проф[ессор] Акимова²³, доц[ент] Крючков²⁴).

Материалы М. А. Бихтера

Л. 111.

Декану вокального факультета
[И. Я. Полфёрову]
проф[ессора] М. А. Бихтер

Заявление

После известного Вам заседания, где было высказано обо мне как вокальном педагоге отрицательное мнение и факультет в целом, не возражая этому, остановился лишь на редакции резолюции, — я обратился к Вам с письменной просьбой сообщить мне: имею ли я право продолжать свою работу со специальным классом.

---

²³ Акимова (Акимова-Ершова) Софья Владимировна (1887–1972) — оперная и камерная певица (лирико-драматическое сопрано). В 1919–1925 и 1929–1952 гг. преподавала в Ленинградской консерватории сольное пение, в 1939–1952 гг. — профессор.

²⁴ Крючков Николай Александрович (1892–1961) — пианист, певец. Преподавал в Ленинградской консерватории камерное пение, в 1931–1950 гг. — музыкальный руководитель оперного класса, в 1935–1940 гг. — доцент, в 1940–1950 гг. — профессор.

Вы ответили мне письменно, предлагая до решения моего вопроса факультетом работу с классом продолжать.

Заседание по моему вопросу на факультете состоялось, но решение для меня осталось неясным.

Возникает необходимость рассеять неясность, создавшуюся вокруг моей работы; уточнить содержание того, что послужило мотивом для ряда выпадов против нее; оградить в дальнейшем от возможности беспринципного отношения к моему труду; направить суждения о моей работе с туманных высот личного вкуса в русло ясной, методической критики вокального состояния моих студентов в настоящем, отношения этого состояния к прошлому и как моя работа относится к работе других классов.

Имея ввиду вышесказанное, я прошу Вас ответить на следующие вопросы настоящего заявления.

1. Почему, несмотря на то, что и стенгазета и факультет высказались против моего преподавания в специальном классе, вот уже почти целый год предоставляют моему руководству студентов, как бы сознательно обрекаемых на порчу?

2. Почему решение директора Б.И. Загурского и Ваше в сентябре текущего учебного года реабилитировать меня как педагога, опороченного стенгазетой, до сих пор не исполнено?

3) Дает ли мне право результат последнего собрания факультета считать себя реабилитированным и на каких основаниях?

4)²⁵ Почему мой класс за все время существования не получал студентов нового приема, а принужден был пополняться исключительно студентами, потерпевшими неудачи в других классах?

4. Почему Чем руководствовалась консерватория, выделяя на всесоюзный конкурс вокалистов своих студентов, забыла, что среди педагогического состава вокального факультета есть педагог, который также, а может быть, даже, и не также мог поддержать высокую репутацию нашего вуза? Ведь там, где вопрос ставится о художественных завоеваниях нашего вуза, — там нужно оставлять личное и становиться на позицию общественную.

5. Известно ли Вам, что мое музыкальное образование ограничивается тремя дисциплинами: теория музыки, фортепиано и дирижирование; что вокального курса я ни в чьем классе не проходил; что моя работа, как в камерном, так и в специальном классе является лишь следствием моей

---

²⁵ Первоначально это был вопрос номер «3.». Затем Бихтер разделил второй вопрос на два — «2.» и «3.», — в результате чего вопрос «3.» стал «4.». При этом Бихтер забыл исправить дальнейшую нумерацию своих вопросов: вместо «4.» и «5.» следует читать соответственно «5» и «6».

практической деятельности и ее достижений, что работу этих классов я считаю органически единой и не мыслю их в отрыве один от другого?

В связи с важными вопросами о продолжении моей работы прошу Вашего скорого ответа.

М. Бихтер

8 III 39

* * *

Л. 100.

Директору Ленинградской
Государственной, ордена Ленина,
Консерватории
[П. А. Серебрякову]
Засл[уженного] деят[еля] иск[усств] проф[ессора]
М. Бихтер

Заявление

Настоящим прошу Вас принять мое заявление о невозможности далее продолжать работу в консерватории по причине отсутствия условий для ее максимальной полезности при большой затрате сил.

М. Бихтер

27 VI 39

[Резолюция П. А. Серебрякова:]

Считать невозможным освободить от работы в Консерватории. Предоставить нагрузку по Камерному классу.

29/VI39. [Подпись П. А. Серебрякова.]